

9th INTERNATIONAL CONFERENCE ON CULTURE AND CIVILIZATION

March 15-16, 2021

Tashkent Chemical-Technological Institute

Uzbekistan

FULL TEXTS BOOK

Edited by

PhD, Assoc. Prof. Tavaldieva Gulbaxar Nishanovna

All rights of this book belong to FARABI Publishing House.
Without permission can't be duplicate or copied. Authors of
chapters are responsible both ethically and juridically.

Issued: 25.03.2021

ISBN: 978-625-7898-35-5

**УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ОТДЕЛЬНЫХ УКРАИНСКИХ
КНИЖНЫХ ИЗДАНИЯХ**
UZBEK LITERATURE IN SEPARATE UKRAINIAN BOOK PUBLICATION

Николай Васькив

доктор филологических наук, профессор,
кафедра журналистики и новых медиа, Институт журналистики,
Киевский университет имени Бориса Гринченко (Киев, Украина)
ORCID ID: 0000-0003-3909-1213

Mykola Vas'kiv

Doctor of Philology, Professor,
Department of Journalism and New Media, Institute of Journalism,
Borys Grinchenko Kyiv University (Kyiv, Ukraine)

В статье впервые собрана наиболее полная информация об изданных в Украине отдельных книжных изданиях – переводах узбекской литературы, а также кратко анализируется содержание этих книг и предисловий к ним, их актуальности для украинского читателя. Для этого используются описательный, культурно-исторический, компаративистский и формальный методы исследования литературного процесса, отдельных литературных произведений и сборников, а также теории и практики перевода.

Абсолютное большинство переводов с узбекского языка на украинский производилось в советское время, поэтому доминировали идеологические факторы в выборе авторов и их текстов, хотя к украинскому читателю приходили и высокохудожественные произведения, в том числе иногда и классической литературы (Навои, Мукими). За годы существования СССР было издано более 40 книг произведений узбекской литературы в Украине, в постсоветский период – всего две книги. Издание узбекских произведений на украинском языке началось в 1947 году с поэмы Навои «Фархад и Ширин» в конгениальном переводе Мыколы Бажана. Наиболее часто в Украине издавались книги Айбека (3), А. Каххара (4), Ш. Рашидова (5), А. Мухтара (3), а также Хамзы, Зульфий, Х. Алимджана, Т. Пулатова и др. Стоит также отметить издание произведений детской литературы и антологий поэзии и прозы. К переводам из узбекской литературы привлекались известнейшие украинские поэты (М. Терещенко, П. Мовчан, И. Драч, Р. Лубкивский, В. Лучук, В. Забаштанский, С. Йовенко, Т. Коломиец и др.) и лучшие переводчики (С. Тельнюк, Б. Степанюк, С. Зинчук, Ю. Петренко). Некоторые из переводчиков были тесно связаны с культурой Узбекистана (Виктор Женченко). Огромный вклад в перевод прозаических произведений внес Владимир Гнатовский. Несколько повестей для детей перевел классик украинской новеллы Григор Тютюнник. С одной стороны, внимание украинских читателей привлекало воспроизведение общих для СССР проблем, с другой – неповторимость истории и современности узбекского народа, его культуры.

Переводы узбекской литературы на украинский язык и их издания были очень продуктивными в 1940–80-е годы, затем пришли в полный упадок. Возрождение этого процесса очень актуально и перспективно. Это касается прежде всего переводов современной узбекской литературы и – особенно – классической литературы до начала XX века.

Ключевые слова: узбекская литература, перевод, традиция, жанр, строфа.

For the first time, the article contains the most complete information about individual book editions published in Ukraine – translations of Uzbek literature, and also briefly analyzes the content of these books and prefaces to them, their relevance for the Ukrainian reader. For this, descriptive, cultural-historical, comparative and formal methods of studying the literary process, individual literary works and collections, as well as the theory and practice of translation are used.

ideological factors dominated in the choice of authors and their texts, although highly artistic works also came to the Ukrainian reader, including sometimes classical literature (Navoiy, Mukimi). Over the years of the existence of the USSR, more than 40 books of Uzbek literature were published in Ukraine, in the post-Soviet period – only two books. The publication of Uzbek works in Ukrainian began in 1947 with Navoiy's poem "Farhad and Shirin" in a congenial translation by Mykola Bazhan. The most frequently published books in Ukraine were Aibek (3), A. Kakhkhar (4), Sh. Rashidov (5), A. Mukhtar (3), as well as Khamza, Zulfiya, Kh. Alimdzhan, T. Pulatov and others. Note the publication of children's literature and anthologies of poetry and prose. Famous Ukrainian poets (M. Tereshchenko, P. Movchan, I. Drach, R. Lubkiv's'ky, V. Zabashtans'ky, V. Luchuk, S. Yovenko, T. Kolomiets', etc.) and the best translators (S. Telnyuk, B. Stepanyuk, S. Zinchuk, Yu. Petrenko). Some of the translators were closely related to the culture of Uzbekistan (Viktor Zhenchenko). Volodymyr Hnatov's'ky made a huge contribution to the translation of prose works. Several stories for children were translated by the classic of the Ukrainian short story Grygor Tyutyunnyk. On the one hand, the attention of Ukrainian readers was attracted by the reproduction of problems common to the USSR, on the other, by the uniqueness of the history and modernity of the Uzbek people, their culture.

Translations of Uzbek literature into Ukrainian and their publications were very productive in the 1940s and 1980s, then fell into complete decline. The revival of this process is very relevant and promising. This applies primarily to translations of modern Uzbek literature and – especially – classical literature before the beginning of the 20th century.

Key words: Uzbek literature, translation, tradition, genre, stanza.

Узбекская литература возникла как синтез достижений фарсиязычной и тюркской литератур, всегда, даже в самые сложные исторические эпохи, отличалась разнообразием, богатством талантов, высоким художественным уровнем произведений. Поэтому закономерно украинские переводчики уделяли должное внимание ретрансляции узбекских литературных произведений. Прежде всего это относится к советскому периоду, т.е. ко времени общего пребывания в составе Советского Союза, когда укреплению взаимосвязей между республиками и народами, их культурами уделялось большое внимание, подкрепленное надлежащим финансированием. Краеугольным камнем межкультурного сотрудничества был идеологический фактор, единение часто было формальным, едва ли не насильственным, но чаще всего опиралось на искренний интерес наций и национальностей друг к другу, на желание познать сущность менталитета, материальной и духовной культуры братского, пусть и далекого, народа, донести духовные достижения этого народа своим соотечественникам. Это относится как к украинским писателям и переводчикам, так и к узбекским.

Первые переводы на украинский язык из тюркских литератур народов СССР чаще всего появлялись в начале 1950-х годов, накануне общесоюзного помпезного празднования «воссоединения» Украины с Россией. Крайне редко они могли быть опубликованы чуть раньше. Так случилось и с переводами произведений узбекской литературы. Символично, что первым отдельным книжным изданием узбекских произведений в Украине стала классическая поэма Алишера Навои «Фархад и Ширин» в не менее классическом переводе Мыколы Бажана, корифея украинской литературы и переводческого дела [33]. Украинский поэт очень долго и вдохновенно работал над переводом поэмы со староузбекского языка,

шедевра Навои.

Это отметил и Петр Скосырев в предисловии к изданию перевода «Фархада и Ширин» под названием «Алишер Навои: поэт-гуманист XV века» [54]. Он характеризует достоинства русскоязычных переводов, но указывает, что уровень перевода М. Бажана на украинский язык неподражаем и является едва ли не самым лучшим среди всех переводов поэмы на разные языки мира. Но об этом П. Скосырев пишет уже в конце предисловия. Начинает же он его с освещения всемирной славы Навои, классика и основоположника узбекской литературы, что было совершенно не лишним, если учесть, что в середине XX века украинцы, как это ни прискорбно, знали о поэте и его творчестве очень мало.

После этого он дает краткую историческую характеристику центральноазиатской жизни в XV веке как эпохи правления Тимуридов в «разноплеменных деспотических государствах». И политическими, и культурными центрами этих государств закономерно называются Самарканд и Герат. П. Скосырев детально описывает эти города и их роль в мировой истории и культуре, так как именно с ними наиболее тесно переплетены жизнь и творчество Алишера Навои. Автор предисловия сосредотачивается на общественно-политической деятельности поэта, мудреца и философа, считает, что именно благодаря усилиям Навои как главного визиря государство достигает наивысшего расцвета в период правления Хусейна Байкары. Именно Алишер Навои добивался установления умеренных цен, особенно в неурожайные годы, лично давал примеры справедливого суда, требуя этого от всех остальных судей и побуждая к этому правителя. За счет государства и своих личных средств (особенно после отставки) Навои строит множество школ (о замечательных мечетях и дворцах П. Скосырев счел за лучшее умолчать), знаменитый 70-километровый канал в Тусе, устанавливает стимулирующие экономическое развитие налоги.

Это важнейшие достижения Навои, но велик он прежде всего как непревзойденный поэт. «Удивление добрых» Петром Скосыревым анализируется как назира («ответ», поэтическое наследование-перепев) к «Сокровищнице тайн» Низами, соответственно, «Пятерица» Навои – это назира к «Хамсе» Низами. Хотя, как указывает П. Скосырев, история любви Лейли и Меджнуна имеет значительно более глубокие истоки. Ученый излагает содержание легенды, а потом сосредотачивается на особенностях поэмы Навои, ее новаторстве. Точно так же он излагает содержание поэм «Фархад и Ширин», «Семь планет», «Садди Искандери» («Вал Искандера»), определяет их новаторство по сравнению с поэмами предыдущих «Пятерич».

Дальше исследователь анализирует туркменские сказки о Мирали, прототипом которого считают Навои. Эти сказки – свидетельство непреходящей популярности поэта среди народных масс, которые давно забыли о Байкаре, а слава Алишера Навои со временем только возрастает. В том числе как и создателя классической литературы на староузбекском языке. Именно на защите достоинств тюркского языка как живого, наиболее соответствующего для жителей Центральной Азии в произведениях Навои акцентирует внимание Скосырев. Также он отмечает философичность размышлений, дидактичность поэм Алишера Навои. Закономерным для советского исследователя было выделение высмеивания духовенства как одного из ведущих мотивов творчества поэта. Также П. Скосырев указывает на высмеивание отдельных человеческих недостатков, которым в поэмах Навои противопоставляется культ

разнообразие талантов Алишера Навои, его достижений. Завершается предисловие, как уже отмечалось, характеристикой русскоязычных переводов поэм узбекского классика и перевода на украинский язык Мыколы Бажана. После текста поэмы шли обстоятельные примечания [40].

«Фархад и Ширин» в переводе М. Бажана была издана еще раз, в 1968 году [34], с воспроизведением примечаний к первому изданию [41]. Это было подарочное издание, насколько оно было возможным в советское время всеобщей экономии средств. Книга имела обрез желтого («золотого») цвета, была в суперобложке, текст сопровождали деревориты В.С. Овчинникова. Но кроме внешнего оформления книга имела еще одно отличие от первого издания, более существенное: вместо предисловия П. Скосырева поэму предваряла статья самого М. Бажана – «Великан Узбекистана» [11]. Хотя переводчик поначалу повторяет то, что было в предисловии Скосырева: раздоры, разногласия, войны между Тимуридами, засилье персидского языка как языка аристократии и поэзии. Правда, дальше Бажан несколько передегеривает, заявляя о насмешках над староузбекским в поэтических произведениях, доходя до утверждения, что «настоящим ревом ненависти встретила гератская аристократия появление самого великого произведения Навои – сборника пяти поэм “Хамсе” (“Пятерица”))» [11, с. 7]. На самом деле староузбекский воспринимался как «простой» язык, но уже завоевал себе к тому времени определенное место при дворе и в поэзии. Тот же Хусейн Байкара тоже писал стихи на тюркском, а не персидском языке. Так же переводчик почему-то относит Герат к территории современного Ирана, но для него важнее было сказать о канале Фархада и горе Ширин как свидетельстве жизнеспособности поэмы Навои. Закономерным было и предоставление конфликта Алишера Навои с Хусейном Байкарой как классового, что тоже не совсем соответствовало историческим фактам.

В том же 1947 году вышел в свет сборник переводов Мыколы Терещенко стихотворений узбекских поэтов – «С Востока на Запад: узбекская поэзия Отечественной войны 1941–1945» [18]. Изданию предшествовало предисловие «Узбекская поэзия Отечественной войны» [57] авторства самого переводчика. В первом предложении раскрывается смысл заглавия сборника: «С востока на запад обращались мысли узбекских советских поэтов в дни Отечественной войны» [57, с. 3]. М. Терещенко отмечает, что основными мотивами поэтов Узбекистана в годы войны были любовь к Родине, дружба народов, ненависть к врагам, подвиг воинов и героический труд в тылу. Дальше он сосредотачивается на индивидуальных особенностях каждого из поэтов, чьи произведения попали в сборник переводов. Речь идет сначала о поэтах-бахши, т.е. народных певцах, потом о новаторстве стиха поэта-академика Гафура Гуляма, лирике еще одного писателя-академика – Айбека, об особенностях женского патриотизма в стихах Зульфийи и т.д. В хронологической последовательности, по году рождения, М. Терещенко представляет поэтов-узбеков не только в предисловии, но и в сборнике переводов: Ислам-Шаир (одно стихотворение), Гафур Гулям (пять), Айбек (пять), Хамид Алимджан (пять), Максуд Шейхзаде (пять), Уйгун (шесть), Миртемир (одно), Чустии (два), Сабир Абдулла (два), Тимур Фаттах (три), Хасан Пулат (одно), Амин Умари (одно), Зульфийа (два) и Хамид Гулям (одно).

Шайра «Сталин». Но стоит отметить версификационное мастерство узбекского поэта, написавшего стихотворение пятью строфами мухаммаса, и мастерство Терещенко-переводчика, воспроизведшего богатство формы оригинала, прежде всего его рифмовки. Мастерство переводчика проявилось также в воспроизведении как классических строф с перекрестной рифмовкой, так и разнослоговых, «вольных» стихов, преимущественно коротких, с использованием знаменитой «лесенки» Маяковского в стихотворениях Гафура Гуляма. Сохраняет М. Терещенко разностиховые строфы в произведении Айбека «Навои» и соединение классических «европейских» секстин с катренами в его «Празднике славы». Можно говорить о воспроизведении бейтов, с цезурой в середине длинного стиха, в переводах стихотворений Максуда Шейхзаде. Классическую форму восточной строфы сохраняет переводчик и в цикле «Рубаи» этого же поэта. В переводе «Узбекистана» Уйгуна привлекает внимание совершенство рифмовки в десятистрочных строфах: ababababab cdcdcdcdcd и т.д. Конечно, в «Газели о хлопке» М. Терещенко должен был объединить стихи монорифмой, что он успешно и сделал, как и в стихотворении «Победителю», да еще и с сохранением рифмы перед редифом. Мастерски воспроизведена также ритмика гошгы Сабира Абдуллы в произведениях «Партия» (тоже с рефренами-редифами) и «Мой боевой конь», как и в стихотворении Тимура Фаттаха «Дутар». Монорифма газели Хамида Гуляма «Вовек не забыть» мастерски воспроизводится в каждом стихе перед редифом «повік не забудь!», соответствующим названию произведения.

Не мог переводчик обойти вниманием украинскую тематику, поэтому в сборник попало стихотворение Гафура Гуляма «Сироте с Украины». Но для идеологической чистоты, во избежание обвинений в национализме, также в сборник включено и стихотворение «Россия» Хамида Алимджана. М. Терещенко умело воспроизводит не только версификационные особенности стихов узбекских поэтов, но и культурный колорит узбекского бытия, в том числе и с использованием лексем-экзотизмов. Поэтому завершается сборник небольшими примечаниями [57, с. 100–101] с объяснением неизвестных для украинцев узбекских слов, топонимов и личных имен.

Следующей по времени после первого издания «Фархада и Ширин» и сборника переводов М. Терещенко стала публикация в 1950 г. произведения еще одного классика узбекской литературы, но уже XX века – Айбека. Символично, что это был биографический роман «Навои» [5] – об авторе поэмы, переведенной М. Бажаном и изданной в 1947 году. После текста романа подается краткая справка о писателе «Айбек» [3].

В романе воссоздается облик Герата – столицы Мавераннахра – периода расцвета. В центре сюжета – взаимоотношения просвещенного правителя Хусейна Байкары и его главного визиря Алишера Навои, а также противостояние Навои с ортодоксальным посягателем на его должность Мардж-ад-дином, который в конце концов достигает своего, опираясь на превращение Байкары в самовластного диктатора. Если многие из аристократов и исламских деятелей не любят, даже ненавидят поэта-визиря, то со стороны простого народа он пользуется безмерной любовью и уважением, о котором Навои всегда думал и заботился. Была в жизни поэта и настоящая любовь, как и уважение к женщинам в целом, поэтому в романе так основательно воспроизводятся женские образы. Образ Алишера Навои предстает

основное внимание отводится творчеству поэта через яркую характеристику бурной поэтической жизни Герата и Самарканда. Мы видим, с каким уважением относится Навои к поэту-силачу Пехлевану, поэтам Хайдару и Сахибу Доро. В свою очередь, они, как и Хусейн Байкара, считают Алишера непревзойденным мастером поэзии, вершиной литературы. Отлученный от высоких должностей, Навои умирает в кругу благодарных и преданных учеников.

Айбек был одним из любимых узбекских писателей для украинских переводчиков в 1950–60-е годы. В 1956 г. на украинском языке вышел в свет роман «Ветер Золотой долины» [4] в переводе Владимира Гнатовского, который сделал очень много для того, чтобы донести к украинскому читателю богатство узбекской прозы. Традиционно для таких изданий в конце книги подается биографическая справка о писателе «Айбек» [2], повторяющая содержание справки из издания романа «Навои». Содержание «Ветра Золотой долины» традиционно для советской литературы того времени: фронтовик Уктам возвращается с аойны в ферганский колхоз, становится парторгом, пытается провести серьезные преобразования в противостоянии со скрытым врагом секретарем колхоза Файзуллаевым, местным муллою – оплотом реакции, колхозными разгильдяями, которые пользуются попустительством местного начальства. Помощниками ему становятся старые Алимкул и Мир-Хайдар – носители народной морали и трудолюбия, жизненных и хозяйственных знаний и опыта. Понятно, что не обошелся роман и без романичности, т.е. любовных историй.

А в 1971 году в переводе все того же В. Гнатовского был напечатан роман Айбека «Священная кровь» [6]. Отметим, что переводчик сознательно указывает, что на украинский язык ретранслировал роман по русскоязычному изданию за 1967 год. Сохранив много узбекских экзотизмов в тексте перевода, В. Гнатовский в конце издания подает «Краткий объяснительный словарь» [27]. А предваряется книга предисловием Камиля Яшена с незатейливым названием «Айбек» [67], из которого мы узнаем настоящее имя писателя – Муса Ташмухамедов, о его обучении в старой и новой школе, Среднеазиатском госуниверситете, затем – в Ленинградском университете народного хозяйства. Но литературное призвание берет верх, и с 1935 г. писатель работает доцентом – преподавателем литературы. А первые произведения под псевдонимом Айбек (Лунный) были написаны еще в 1922 году. В 1932 г. вышли в свет поэмы «Дильбар – девушка эпохи» и «Бахтигуль и Сангибек», основывающиеся на тюркском фольклоре. Также сообщается о поэме и романе «Навои», поэмах «Девчата», «Хамза», романах о социалистическом строительстве, «В поисках света» – о жизни в Пакистане, автобиографической повести «Детство», о многочисленных наградах и премиях. Краткая характеристика дается также и роману «Священная кровь», которому предшествовало предисловие.

В центре романа, написанного в 1940 году, находится восстание узбеков 1916 г. против планов насильственной мобилизации в царскую армию на тыловые работы вопреки официальному обещанию и соглашению не привлекать жителей бывшего Туркестана к воинской службе. Точнее, в центре произведения история жизни предводителя восстания Юлчи, выросшего в бедняцкой семье. Мальчика эксплуатирует его дядя-торговец Мирза-Каримбай, подводит его к аресту. Но дальше следует обязательный для тогдашнего романа

истинный. Романичности произведению придает история взаимоотношений Юлчи со служанкой и затем молодой женой Мирзы Гульнар. Название же романа символично: кровь, пролитая за родной народ, – священна. Конечно, писатель придает восстанию 1916 года преимущественно социальную окраску, но национально-освободительный его характер тоже нашел выражение в романе.

В 1952 году в переводе Ивана Щербины вышел на украинском языке еще один роман – «Учитель» Парды Турсуна [59]. Из биографической справки в конце книги «Парда Турсун» [38], кроме минимума фактов из жизни и творческого пути писателя, мы узнаем, что этот роман впервые на языке оригинала был напечатан в 1947 году под названием «Верный путь», а в переводе на русский язык в 1951 году уже под названием «Учитель», которое перешло и в украинскоязычное издание. В украинском издании романа П. Турсуна обильно использовались подстрочные ссылки, которые знакомили читателя с узбекскими экзотизмами, позволяли почувствовать неповторимость узбекского языка и культуры.

Изложение сюжета в романе производится в хронологическом порядке. В первой части – «Детство» – повествуется о чрезвычайно тяжелой жизни Халмурада, который родился в беднейшей в кишлаке семье. В поисках хоть какого-то заработка семья отправляется в город, но насмешкой для нее становится присказка «Ташкент – город хлебный». Очень скоро от недоедания и тяжелой жизни умирают отец и мать. Потом началась тяжелая жизнь бесправного слуги в доме ишана, который занимался темными делами вопреки духовному званию и призванию и заботился только о материальном благосостоянии. Все изменяется с началом Февральской, а потом и Октябрьской революций, Халмурад убегает в детдом, знакомится с революционером Шерматом Давроновым, будущим наставником мальчика.

В начале второй части «Первые шаги» Халмурад предстает перед нами уже как молодой учитель, который приезжает в кишлак Камышкапа обучать детей. Традиционно для литературы того времени, Халмурад быстро сходитя с бедняками кишлака, включается в социалистические преобразования, вступает борьбу с «классовыми» врагами. И это не только словесные баталии, но и активное участие в вооруженном противостоянии. Закономерной наградой для юноши стала поездка в Москву и Ленинград, о чем сообщается в конце третьей части романа «На верном пути». Закономерным исходом становится также и счастливая любовь Халмурада и Гульсум.

Борьба за равноправие женщины, ее активное участие в жизни кишлака, государства – один из главных мотивов романа. Наряду с образом Гульсум важное место в произведении занимает образ ее тети Аимхан, которая умело и властно руководит кишлачным советом. Несмотря на то, что основное внимание в романе уделяется идеологическим аспектам («Партия и советская власть воспитали меня и дали мне такое место в жизни, что я могу теперь гордиться и своей жизнью и своей работой. Я – советский учитель!» [59, с. 306]), пред читателем предстает довольно подробное воспроизведение кишлачной и столичной жизни узбеков, трудовой деятельности дехкан и ремесленников, роли религии и духовенства, существенных преобразований в повседневности, хозяйской деятельности, образовании, общественной жизни узбеков.

комедия «Шелковое сюзане (На новой земле)» [23] Абдуллы Каххара – еще одного, наряду с Айбеком, излюбленного украинскими переводчиками 50-х годов узбекского писателя. Перевел пьесу на украинский язык уже хорошо нам известный В. Гнатовский. В комедии переплетаются две сюжетные линии. Первая – это освоение Голодной степи, превращение ее почти из пустыни в плодородный край. Другая – это противостояние бригадира-передовика, который стал почивать на лаврах, и молодежи, которая бросает ему вызов, соединяя энтузиазм и опыт старших в обработке «комсомольских гектаров». Несомненно, есть в произведении и отображение «ведущей» роли партии в лице парторга Адылова, и перипетии нескольких любовных историй.

Символическим предстает в пьесе Кузнецкий мост, который преобразуется за несколько лет, как и Мирзагуль, приезжающая в Москву через несколько лет. Приезжает она с еще одним символом – шелковым сюзане с портретом Сталина как подарок тому же «Сталину!» [23, с. 100]. Культ вождя тяготеет над текстом всей комедии: его портрет изображен на кулисе (так указано в ремарке) перед началом пьесы, которая завершается обращением тоже к вождю: «На пароходе приезжай из Москвы. Просим тебя, товарищ Сталин!» [23, с. 101]. Несмотря на заидеологизированность, пьеса читается легко и с интересом благодаря живым перипетиям, быстрой смене событий, неизменному торжеству справедливости, победе над хорошим еще лучшим.

«Избранное» [20] А. Каххара увидело свет в 1959 году, в переводе все того же Владимира Гнатовского. В книгу вошел роман «Огни Кошчинара» и 14 рассказов. Роман отличается, как и пьеса «Шелковое сюзане», острыми и быстротекущими коллизиями. Сидыкджан, как и герой романа украинского писателя Г. Шкурупия «Дверь в день», бежит от жены, с которой женился когда-то ради материального достатка, и ее семьи, поскольку превратился почти в батрака. Он переезжает в Кошчинар, который обновляется на глазах, принимает активное участие в преобразовании новых земель, в выращивании новых сортов рекордного по урожайности хлопка.

Все это переплетается с борьбой против басмачей, коварными замыслами баев. Как само собой разумеющееся изображается выселение кулаков. Не иначе как классовой непримиримостью представляется факт вырезки скота, чтобы он не достался колхозу. Перед в противостоянии с баями ведут представитель обкома Сафаров, председатель исполкома Бутабай, передовая женщина Ханифа Усманова. Символом новой жизни в романе предстает «лампочка Ильича», то есть пришедшее в отдаленные поселения электричество. Почти в начале романа Сидыкджан встречает в чайхане старика, который рассказывает печальную историю его разорения и разлучения с детьми. Эта история неожиданно находит авантюрное продолжение и завершение: этот старик находит свою дочь – Ханифу Усманову, что лишний раз свидетельствует о том, что идеологическая «правильность» романа соединяется с умелым созданием персонажей-характеров и занимательным сюжетом.

Рассказы, вошедшие в издание, отличаются разноплановостью. Так, в «Ворах» и «Гранате» повествуется о тяжелой жизни дехкан в дореволюционный период, об их наивных, чистых и возвышенных помыслах. В «Прозрении слепых» рассказ ведется об остроумной и страшной мести участника восстания Палвана, то есть богатыря, баям и духовенству сродни мести

женщины ведется речь в рассказе «Джанфиган». Героический Ахмежан становится главным персонажем «Золотой Звезды».

Сразу же через год после «Избранного», в 1960-м, была напечатана повесть Абдуллы Каххара «Птичка-невеличка» [22] в переводе неизменного В. Гнатовского. В конце книги подается краткая информация «Об авторе» [41]. История превращения передового когда-то и поэтому авторитетного председателя колхоза Арсланбека Каландарова в самовлюбленного и самодурного руководителя весьма традиционна для центральноазиатских литератур послевоенных десятилетий. Противоречивость между прошлым и настоящим также проявляется в уничижительном обращении председателя к жене Хурнисе. Перипетии усложняются тем, что слабости Каландарова используют открытые и скрытые враги – местный ишан и Кифоятхон. Но есть и те, кто твердо стоит на пути новых преобразований.

Чтобы как-то осадить самодура, привести его в чувство, секретарь райкома партии Тахир Насиров не придумывает ничего лучшего, как назначить парторгом в колхоз свою помощницу Саиду, «птичку-невеличку». Ее преобразование, рост как руководителя, как женщины – полноправного члена общества – стали основой повествования. Преодолевая трудности, совершая ошибки, но и настойчиво исправляя их, Саида таки достигает поставленной цели, убеждает Каландарова в том, что почитать на лаврах нельзя в жестокое военное время. Весьма примечателен факт, что в романе сообщается о разоблачении воровства в колхозе «Бустон» в 1942 году, то есть бороться действительно было с чем, хотя председатель об этом ничего не знал. Образ Арсланбека Каландарова должен был убеждать в том, что хищения не имели массового характера, были единичными фактами, а многие недочеты в работе можно было объяснить временными затмениями, как это случилось с Каландаровым.

Повествование в «Птичке-невеличке» отличается своеобразием. В «Эпилоге» наррация ведется от первого лица – Арсланбека-аки, который прочитал отрывок повести «Птичка-невеличка» в газете «Кзыл Узбекистан». Теперь ему предстоит вероятная встреча с живой героиней повести Саидой. Завершается произведение фразой: «Интересно, какой она стала за эти годы?» [22, с. 182]. Вернее, не завершается, а наоборот, эта фраза делает финал повести открытым.

Издание произведений А. Каххара завершается в 1974 году книгой «Сказки о прошлом. Огни Кошчинара» [21]. Неизменный переводчик узбекской прозы на украинский язык В. Гнатовский еще и в этом издании честно указывает русскоязычные издания, по которым он ретранслировал произведения для украинского читателя. Роман «Огни Кошчинара» уже переводился на украинский язык, о чем речь велась раньше, при характеристике «Избранного». Для этого издания, однако, стоит отметить наличие подстрочных ссылок с объяснениями непонятных для украинского читателя названий предметов и явлений узбекского бытия. В автобиографической же повести «Сказки о прошлом» писатель глазами подростка воспроизводит жизнь дореволюционной Ферганы, сравнивает ее с достижениями советской эпохи, рассказывает о сложных процессах революционных преобразований. Из страниц повести пред нами встают прототипы многих персонажей в будущих произведениях А. Каххара, рассказывается история становления его как писателя.

творческий путь Абдуллы Каххара» [25], в которой критик поставил писателя в один ряд с Хамзой, С. Айни, А. Кадыри среди зачинателей новой, то есть советской, узбекской литературы, прежде всего прозы. Л. Каюмов рассказывает о тяжелом детстве А. Каххара в семье кузнеца, в которой он один выжил из четырнадцати родившихся детей. Далее рассказывается об учебе в мектебе, потом – в послереволюционной школе, институте, о литературной и общественной работе на разных должностях. В литературу, сообщает критик, Абдулла Каххар поначалу пришел как талантливый сатирик в стихах и прозе. Потом писатель стал осваивать жанры малой прозы, достигнув значительных результатов в довоенный период. А после войны писатель стал уже мастером большой прозы и известным узбекским драматургом. Л. Каюмов дает краткую характеристику повестей, романов и пьес Каххара, перечисляет его достижения как переводчика с русского языка на узбекский, отмечает его популярность не только в Узбекистане, но и на просторах всего СССР, в частности – и на украинских благодаря переводческим усилиям В. Гнатовского. Ранняя смерть, отмечает критик, не дала возможности реализовать многие из интересных творческих замыслов А. Каххара.

В 1954 году была издана книга произведений еще одного классика узбекской литературы – но дореволюционной – Муками, под названием «Сатира и лирика» [28]. Краткую информацию о жизненном и творческом пути всенародно любимого поэта представляет предисловие Гафура Гуляма «Муками» [16]. Г. Гулям сообщает, что настоящее имя поэта – Мухаммед Аминходжаев, его отец – Мирза Ходжи. Муками родился в Коканде в 1851 году, его же псевдоним-тахуллус означает «оседлый, постоянный». Основными мотивами его творчества были сатирическое изображение баев, духовенства, российского чиновничества, сочувствие к униженным, хотя автор предисловия «неожиданно» заявляет, что поэт «воспринимал» «все новое и прогрессивное, что появилось вследствие присоединения Средней Азии к России» [16, с. 4]. Поэтому также закономерным было утверждение, что до революции Муками мало печатали, в советское же время к нему пришла заслуженная слава. Завершали издание «Примечания» [39] и «Словарь» [55], в котором давались пояснения не только восточным реалиям и явлениям, но и приведенным персоналиям.

Переводчиком всех произведений, которые вошли в издание, был уже хорошо знакомый нам Мыкола Терещенко. В первую часть книги вошли 19 сатир, написанных бейтами, и один мухаммас. Время от времени поэт и, соответственно, переводчик прибегают к рефренам. Также в сборник стихов Муками вошли три социально-сатирические «путевые» очерки. Продолжением стало послание «Из писем в стихах» – «Друзьям в Ташкент». Что касается лирических произведений, то их составили 27 газелей, пять «четырёхстиший» (с рифмовкой aaa холостой стих; bbb холостой стих и т.д.) и 12 мухаммасов. Преимущественно это стихотворения в традициях классической восточной любовной лирики предыдущих столетий с канонизированным, но абстрактным образом любимой (лунолика и т.п.). Стоит в очередной раз отметить мастерство переводчика, который очень ответственно подошел к воспроизведению как содержания, так и особенностей формы стихов Муками.

В конце 1950-х годов к украинскому читателю приходит творчество еще одного писателя, который станет со временем очень часто издаваемым, – это Шараф Рашидов. Можно было

не надо забывать, что на наивысшую должность в республике Ш. Рашидов пришел из литературы и во многом благодаря литературному таланту. В 1959 году в переводе все того же В. Гнатовского, с тем же указанием, что перевод сделан с русского языка, была издана небольшая по объему «Кашмирская песня» [46]. Сам писатель указывает, что с сюжетом индийской легенды его познакомила композитор Дина Натх Надим. Под впечатлением услышанного Ш. Рашидов начал работу над текстом еще в Индии (в Сринагаре и Дели), а завершил в Ташкенте.

По форме «Кашмирская песня» очень сходна с европейской средневековой аллегорической литературой. В Прологе сообщается о том, что долина Кашмира преисполнена песен, и одна из них стала основой дальнейшего повествования. Прекрасная Наргис-цветок поет песни любви, ее подруга Гуллола поддерживает красавицу в ее любви к не менее прекрасному Бамбуру. Но в Наргис влюбляется злой ветер – Черный Буран, который зарекся во что бы то ни стало разлучить возлюбленных и полностью завладеть Наргис. На помощь Черному Бурану приходит его не менее злой брат Хоруд, «сеятель болезней и бед» [47, с. 17]. Лиризованная проза перемежается стихами с изысканной рифмовкой, когда параллельные рифмы переходят в перекрестные и наоборот, соединяются с рифмовкой, характерной для рубаи. Наргис и Бамбур гибнут, но остаются несломленными. Завершает «Кашмирскую песню» Эпилог, в котором подводится социологизированное обобщение изложенного: «Песня о Наргис и Бамбуре – это легенда, это извечная мечта людей о своем освобождении от жестоких захватчиков» [47, с. 38].

Через два года к украинскому читателю пришло уже издание традиционной, реалистической прозы Шарафа Рашидова – романа «Сильнее бури» [51]. Эта книга была некоторым исключением из правила, поскольку переводчиком был В. Скоробогатов (в книге отмечается, что перевод производился по русскоязычному изданию 1959 года в «Роман-газете»). В 33 разделах и эпилоге излагается уже традиционный для советской узбекской прозы сюжет – освоение безводной степи. В этом деле объединяются люди «сильнее бури»: и представители старшего поколения, и молодежь, а объединяют их всех и ведут за собой партийные и государственные руководители разных уровней. Именно они ведут нещадную борьбу с хищениями в колхозе, происками купеческого сына, представителей вчерашней знати. Не обходится роман и без любовных сюжетных коллизий. К драматическим произведениям «Сильнее бури» сближается за счет изображения действия в своеобразных топосах-салонах: в чайхане, на складе, на мельнице и т.д. Заодно перед нами предстает колоритное воспроизведение особенностей быта, родственных взаимоотношений, способов хозяйствования узбеков. Завершает роман бодрый призыв: «Хормангляр, дорогие друзья!» [51, с. 274].

Следующий роман Шарафа Рашидов был издан на украинском языке в 1965 году – это «Могучая волна» [49]. К переводу вновь «вернулся» В. Гнатовский, указавший на то, что ретранслировался текст русскоязычного издания 1964 года, то есть переводился роман очень оперативно, что называется, с колес. В конце книги представлена краткая справка «Об авторе» [43], в которой об издаваемом произведении сообщается следующее: «В нем (романе “Могучая волна”. – Н.В.) рассказывается о фронте и тыле в тяжелые годы войны,

Шарафа Рашидова перенят любовью к людям, восхищением их трудом, который претворяет землю» [43, с. 391]. Пожалуй, этого достаточно для характеристики произведения, можно добавить разве что одно: писатель очень ярко все это воплощает в умело выписанные образы персонажей, которые раскрываются через события добротного сюжета.

Роман «Могучая волна» был переиздан на украинском языке еще раз, в 1972 году [48]. Эта книга отличалась от издания 1965 года указанием, что теперь это «авторизованный перевод с узбекского», хотя вряд ли все тот же переводчик В. Гнатовский освоил к тому времени узбекский язык. Еще одно отличие – появление предисловия к роману под названием «Осененный зарею путь» [26]. Автор предисловия, уже знакомый нам Лазиз Каюмов, пересказывает читателям биографию писателя, сообщая о журналистской и партийной работе до войны, об участии в «Великой Отечественной войне», об избрании Ш. Рашидова председателем Союза писателей Узбекистана, потом опять о его государственно-партийной деятельности: с 1950 года Рашидов – председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР и заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР, с 1959 года – первый секретарь ЦК Компартии Узбекской ССР.

Дальше Л. Каюмов характеризует творчество писателя, его литературно-критическую деятельность. Ш. Рашидов как критик и литературовед основательно работал над формулированием теории социалистического реализма, исследовал взаимодействие литератур и культур народов СССР, утверждал необходимость и продуктивность дружбы народов. Становление писателя происходило в годы войны и проявлялось в воссоздании проблем фронта и тыла в стихотворениях того времени. Следующий этап – «Кашмирская песня», «Книга двух сердец» как своеобразный перепев произведения Мирзы Абдукадыра Бедиля «Комде и Мудан». Завершается предисловие характеристикой повести Ш. Рашидова «Победители» и его романов.

Именно «Победители» [50], но уже как роман, завершали издание произведений Шарафа Рашидова на украинском языке. Неизменный переводчик В. Гнатовский теперь снова отмечает, что «авторизованный перевод» производился по русскоязычному изданию (это было едва ли не последним признанием такого характера). Сорок разделов романа строятся как воспоминание Айкыз Умурзаковой, которая в тяжелые годы установления советской власти в Узбекистане взяла на себя бремя руководства советом в кишлаке Алтынсай. Немало страниц романа отводится воспроизведению жестокой борьбы с басмачами.

Возвращаемся опять к началу 1960-х годов. В 1961 году вышло в свет небольшое по объему издание – рассказ Ибрагима Рахима «Огнедел» [45] в переводе Ю. Петрова. В повествовании от первого лица перед нами предстает противостояние геолога Танилди Палванова и ишана Халима. Геолог вспоминает о своем трудном детстве, сиротстве при живом отце, который находится на фронте, о тяжелой работе у приютившей его злой тетки, об учении-мучении в шейха. Но находятся и хорошие люди – большевик Петр Шевелев, «товарищ» Суннат Султанов, которые помогли парню встать на ноги, закончить институт, начать эффективную трудовую деятельность. После провала земли в Газли он ведет поиск природного газа, ведет борьбу за то, чтобы успешно завершить свою работу.

языке еще одно произведение Ибрагима Рахима, на этот раз значительно большее по объему – роман «Судьба» [46]. Можно было бы назвать произведение производственным романом, и черты этой жанровой разновидности, наверное, доминируют в «Судьбе». Молодой геолог Бардаш, новатор, постоянно находящийся в поиске, противопоставит известному, опытному, но рутинному руководителю геологоразведки. Открытие новых залежей природного газа под угрозой срыва, его поиск зашел в тупик. Борьба хорошего с еще лучшим завершается счастливо: и газ нашли, и энтузиазм молодежи с опытом старших объединяются. Конечно, руководящая роль партработников в этом процессе – неизменна. Но привычные производственные коллизии синтезируются со многими другими, острыми, интересными для читателя.

Во-первых, автор владеет мастерством рассказывания, через события, действия, диалоги, внутренние монологи раскрывает то, что очень многие советские писатели подменяли резонерством. Так, из диалогов, наблюдений, несобственно-прямой речи Бардаша перед нами предстает история и настоящее Бухары, ее культурное богатство, архитектурное совершенство. Автор не прибегает к заумным речам относительно эмансипации женщины, ее равноправия. Через образы Ягины, жены Бардаша, Оджины, дочери ишана, читатель и так приходит к выводу о необходимости и неизменному движению узбекского общества к активному участию женщины в повседневной семейной и общественной жизни. Религия – опиум для народа, но лучше всего в этом убеждает история прозревшей Оджины: отец-ишан категорически был против любого лечения незрячей дочери, советская же медицина вернула девушку к нормальной жизни. Несколько декларативными выглядят резкие выступления Сурханбая против духовенства. Также публицистически-назидательной предстает его история бегства вместе со всем скотом за границу, а потом покаянное возвращение на родину, что должно было свидетельствовать о неоспоримом преимуществе советского строя и социалистических преобразований в Узбекистане. Но авантюрный сюжет похождения Сурханбая тогдашним Востоком, нищенствования в Мекке не может не привлекать читателя. Как и изображение всевозможных махинаций на строительстве газопровода со стороны руководства колхоза и их разоблачения. Поэтому произведение было встречено украинским читателем очень позитивно.

А еще одним изданием предыдущего десятилетия стала в 1963 году повесть Саида Ахмада «Приговор» [10] в переводе В. Мухи, как указано в книге – по узбекскому изданию 1958 года, то есть с языка оригинала. Информацию об авторе повести предоставляла биографическая справка «Саид Ахмад» [52]. В центре конфликта – борьба с басмачами, за построение колхоза, против скрытых врагов, оболгавших активистов. Трагизма произведению придает смерть одной из главных героинь произведения – Саломат, акцентирование на том, что главным врагом является «кровавый курбаши» Халходжа. Единение всех эксплуататоров между собой иллюстрируется тем, что «военным советником» Халходжи является Тавфик-эфенди, вчерашний колонизатор узбекского народа, то есть ни о каком национальном характере басмаческого движения говорить не приходится.

Очередное произведение узбекской литературы предстало перед украинским читателем в 1960-х годах – роман Аскада Мухтара «Рождение» [9], с традиционной уже в конце книги

производственный роман о строительстве металлургического комбината и при нем нового города в горах Тянь-Шаня (сразу на память приходит название и содержание романа 1930-х годов украинского писателя Александра Копыленко «Рождается город»). В произведении очень большое количество персонажей с традиционным разделением на три группы: убежденные строители новой жизни под руководством партработников; ярые враги, которые прибегают ко всевозможным махинациям, припискам, хищениям; и формирующийся только-только рабочий класс из малосознательных слоев, которые сначала попадают под влияние демагогов-расхитителей, а потом переходят на сторону строителей нового, которые помогают им во всем разобраться и установить истинную справедливость. Несмотря на трудности и преграды, трудовой энтузиазм все преодолевает.

Наррационной особенностью романа стали страницы дневника остроумного Лукманчи, который сатирически высмеивает все ухищрения и происки расхитителей, карьеристов, пустомель. С одной стороны, разоблачительный характер дневника вызывал интерес со стороны читателей. С другой стороны, скепсис Лукманчи, видение «отдельных недостатков» как системного явления характеризовался критикой как пассивная позиция, нежелание или неумение активно противостоять этим недостаткам.

Аскад Мухтар тоже был одним из излюбленных узбекских авторов для украинских переводчиков. В 1969 году вышел в свет его роман «Сестры» [31] в переводе «незаменимого» В. Гнатовского, с добротными подстрочными ссылками, толковавшими для украинского читателя узбекские экзотизмы. Очевидно, для переводчиков в те времена тоже существовала разрядка, деление по идеологическому (или какому-то другому) признаку на «нужных» и «не очень нужных». Иначе как объяснить то, что В. Муху, который переводил с узбекского оригинала, заменили на почти бессменного В. Гнатовского, переводившего с русскоязычных изданий?

Книгу открывало предисловие Майи Абдуллаевой-Амитовой «Аскад Мухтар и его роман “Сестры”» [1]. Из этого предисловия мы узнаем, что писатель, родившийся в 1920 году в Фергане, традиционно начинал творческий путь как поэт, автор стихотворений о социалистических преобразованиях, о единении революционеров всего мира. Закономерно от стихотворений А. Мухтар переходит к поэмам, но тематика их неизменна – социалистический труд, формирование узбекского рабочего класса. А с 1950 года писатель переходит к прозе. В предисловии кратко характеризуются роман «Возрождение», «Каракалпакская повесть». Основное же внимание уделено «Сестрам», написанным в 1955 году, до издания «Возрождения».

Тема романа все та же – формирование рабочего класса, но не столько из рабочих-мужчин, сколько из числа пробуждающихся, становящихся сознательными женщин. Под влиянием мужа Сабира, большевиков-русских Анахон из забитой и покорной узбекской женщины превращается в активного строителя социализма. Она первой начинает ходить в женский клуб, включается в отстаивание прав швей против собственника-непмана, в конце концов, сама становится руководителем швейной артели. А женщины-сотрудницы артели становятся для Анахон настоящими, классовыми, сестрами, именно им она прежде всего посвящает свою трудовую и общественную деятельность. Анахон не одна: крепко стоять на ноги ей

логику романа вполне укладывается информация о том, что эта опытная революционерка встречалась в бурные дни Октябрьского переворота с В. Лениным и К. Цеткин. А вот своеобразным откровением для узбекского и советского читателя стало сообщение о том, что Джурахон также была активным участником «национально-освободительного восстания народов Туркестана 1916 года» [31, с. 7]. В романе также детально выписаны образы как тех персонажей, прежде всего женщин, которые переходят на сторону советской власти, так и представителей старого мира. Их противостояние, иногда приобретающее детективные и авантюрные черты, вызывает определенный интерес со стороны читателя.

Черда публикаций произведений Аскада Мухтара на украинском языке завершается в 1984 году повестью «Тесная пустыня» [32]. Переводил повесть Григорий Халимоненко, имевший определенные знания тюркских языков, но он честно указал, что перевод проводился по русскоязычному изданию 1978 года. Главный герой «Тесной пустыни» Марданкул Заргаров, начальник строительства, решает уже привычное для персонажей А. Мухтара задание – возведение обогатительного комбината, на этот раз не в горах, а в пустыне. Как всегда, Заргарову и его единомышленникам приходится преодолевать всевозможные технические трудности, несогласованность действий разных ведомств, бюрократическую волокиту. Но есть в повести и существенное новшество: основную часть строителей составляют бывшие преступники, направленные для исправления сюда, в пустыню (очевидно, среди «обычных» строителей желающих проявить трудовой энтузиазм в таких экстремальных условиях было крайне мало). По сюжету повести, с невероятными трудностями, зигзагами, но постепенно вчерашние нарушители закона становятся строителями новой жизни. Производственная линия тесно переплетается в судьбе Заргарова, сквозь призму видения которого преимущественно ведется наррация в повести, с «личной». Это и его внутренние переживания утраты любимой жены Фатимы, и отношения с дочерью Саодат, и развитие чувств во взаимоотношениях с Зиядой Даврановой.

Кроме уже анализированных прозаических произведений узбекской литературы, в 1970-е годы приходит очередь и для публикации на украинском языке современной лирики Узбекистана (до этого в Украине выходили поэтические произведения классической литературы – Навои и Мукими). В 1974 году в серии «Сокровищница братских литератур» выходит в свет сборник стихотворений и поэм Зульфийи с незатейливым названием «Избранное» [19]. Предисловие к сборнику под названием «... В дороге нескончаемой» [24] написала известная украинская писательница Наталья Кащук. Н. Кащук исходила, очевидно, из традиционного предубеждения об униженности тюркской женщины, которое всячески раздувалось в годы советской власти. Поэтому начинается предисловие с цитирования Ч. Айтматова, что на Востоке, «очевидно, не найдем знаменитых женщин-поэтесс» [24, с. 5]. Правда, через несколько страниц Кащук упоминает предшественниц Зульфийи XVIII–XIX вв. – Надиру и Увайсу, «преследуемых», «угнетаемых», что не совсем соответствовало реалиям. Завершалось предисловие упоминанием об узбекских поэтессах – современницах Зульфийи. Тем не менее действительно Зульфийя едва ли не возглавила в Узбекистане худжум – «наступление на законы шариата и адата, унижавшие женщину» [24, с. 6]. В возрасте 18 лет, в 1933 г., Зульфийя издает первый свой стихотворный сборник Страницы жизни, считая

современника Хамзу Хаким-заде Ниязи. Также несколько абзацев уделено истории драматической любви поэтессы с рано умершим известным узбекским поэтом и общественно-политическим деятелем Хамидом Алимджаном. Из основных мотивов творчества Н. Кашук, почти не упоминая традиционных идеологических призывов, выделяет описания родного Ташкента и воспевание дружбы между народами СССР и мира. Упоминаются стихотворения об известных поэтах, целые «национальные» циклы.

Несомненно, украинскую критикессу прежде всего интересуют украинские мотивы в лирике и переводах Зульфийи. Во-первых, узбекскую поэтессу объединяла дружба с известной украинской поэтессой и переводчицей Любовью Забаштой. Зульфийа перевела на узбекский язык стихотворения Павла Тычины, Максима Рыльского, Андрея Малышко. Отдельно анализируется стихотворение «Фархадом звали все его», лирический герой которого, актер Кабул Кари, погиб на территории Украины. Н. Кашук усматривает, и вполне оправданно, переключку содержания этого стихотворения с поэмой А. Малышко «Прометей». Также упоминается о том, что изданию полноценного сборника произведений Зульфийи предшествовали отдельные публикации переводов ее стихотворений в украинских «толстых» литературных журналах.

Сборник «Избранное» состоит из трех частей. Первая часть – «Дорога» – идеологического звучания. В нее вошло 30 переведенных стихотворений, среди которых программным было «Я – коммунистка». Вторая часть «Розы в цвету» – это любовная лирика Зульфийи, ее составили 22 стихотворения. И в третью часть «Мушоира» (поэтическое состязание, турнир поэтов в сочинении экспромтов) было включено 25 переводов. Больше всего стихотворений Зульфийи на украинский язык ретранслировал составитель сборника Станислав Тельнюк – двенадцать. Кроме него переводили стихотворения узбекской поэтессы такие ведущие украинские поэты, как Мыкола Терещенко, Мыкола Сынгаивский, Владимир Забаштанский, Лесь Лупий, Дмитрий Шупта, и поэтессы, как Тамара Коломиец, Нина Гнатюк, Светлана Жолоб, автор предисловия Наталья Кашук, а также известный переводчик с тюркских языков и – по совместительству – поэт Борислав Степанюк.

А в следующем году в Киеве вышла в печать антология «Цвет миндаля: Молодая поэзия Узбекистана» [65]. Нормурад Нарзуллаев был автором предисловия к антологии – «Маршрутами дружбы» [37]. Пафосное название предисловия отражает и абстрактное его содержание с общими фразами о единении украинской и узбекской литератур и общей характеристикой молодой узбекской поэзии. В свою очередь, антологию выгодно отличают белая суперобложка и, главное, краткие биографические справки о каждом из 29 молодых поэтов (среди них пять – поэтессы) с черно-белыми фотографиями (по тем временам это немаловажно). Внимательный читатель смог бы выделить среди авторов Мамбета Аблялимова и Ису Абдураманова, о которых сказано, что они родились в Крыму, в 1935-м и 1937-м годах соответственно. Что называется, умному достаточно, чтобы понять: вместе с родителями оба поэта были депортированы в Узбекистан в 1944 году. Более того, о каждом из двух поэтов сообщается, что они писали на двух языках – узбекском и «татарском». Опять же, внимательному читателю были понятно, что на самом деле речь идет о крымскотатарском языке, а не о языке каких-либо других татар, как можно было бы

интересный штрих в истории сохранения крымскотатарской культуры как в Узбекистане, так и в Украине 1970-х годов.

К переводам в антологии «Цвет миндаля» были привлечены известнейшие украинские поэты (Иван Драч, Павло Мовчан, Виталий Коротич, Петр Осадчук, Мыкола Сынгаивский, Петр Засенко, Наталья Кащук, Светлана Йовенко, Борис Чип, Леонид Горлач, Лесь Лупий и др.) и переводчики (Станислав Тельнюк, Юрий Петренко, Станислав Зинчук). Каждый узбекский поэт репрезентировался тремя-шестью стихотворениями. Чаще всего переводили по принципу один поэт – один переводчик, но этот принцип время от времени нарушался. Так, стихотворения Раззака Абдурашидова переводили три украинских поэта: Роман Лубкивский, Владимир Лучук и его жена Оксана Сенатович.

В том же 1975 году в издательстве детской литературы «Веселка» («Радуга») вышла книга Хакима Назира «Повести» [36], в которую вошли два произведения – «Негаснущие молнии» и «Огненная река». В обоих повестях дети живут своими проблемами, дружат, испытывают эту дружбу на прочность, преодолевают свою лень в учебе и помощи взрослым по домашней работе, по мере сил участвуют в улучшении семейного благосостояния, которое часто желает быть лучшим, играют, познают красоту родной земли. Но они не могут оставаться в стороне от производственных проблем взрослых, по мере сил помогают им то в сельскохозяйственных работах в колхозе, то на строительстве газопровода. И, взрослея, формируют в себе высокие морально-нравственные устои или же выявляют непримиримость по отношению к антиобщественным поступкам своих сверстников и взрослых.

Еще одно произведение узбекской детской литературы вышло в том же издательстве «Веселка» в 1977 году. Это «повесть-сказка» Худайберды Тухтабаева «Приключения двоечника» [61]. На украинский язык по русскоязычному изданию повесть перевел выдающийся украинский прозаик-новеллист Григор Тютюнник. По сюжету произведения, не очень прилежный ученик Хашим Кузыев нашел волшебную шапку-невидимку, которая помогает ему разоблачать негодяев и расхитителей народного добра. Но вместе с тем она не помогает стать умнее, поэтому Хашим убеждается: надо самому также прилежно трудиться и быть предельно честным в общении с близкими, со всеми людьми в целом.

А в следующем году, в переводе все того же Г. Тютюнника, выходит продолжение «Приключений двоечника» – «приключенческий роман» Х. Тухтабаева «Конец Желтого Чуда» [60]. Теперь с помощью шапки Хашим начинает работать в милиции. Поначалу он наивен, его легко обводят вокруг пальца мошенники. Да и бороться приходится с очень большим злом – организованной преступностью, в которой слились представители власти, руководство предприятий и откровенный криминалитет. Даже с помощью шапки-невидимки вывести преступников на чистую воду очень нелегко. Но с помощью старших товарищей смелый и отважный Хашим разоблачает банду расхитителей и добивается их ареста. «Конец Желтого Чуда» – произведение вроде бы детской литературы, но ставит во главу угла очень злободневную проблематику: системность разворовывания, приписок, взяточничества, спайки власти с криминалом. Через десятилетие после публикации произведения, во время перестройки, об этом заговорят с телеэкрана и чуть ли не в каждой газете, на каждом

хотя и облакает свои предупреждения в форму приключенческого произведения для детей. Серия изданий произведений узбекской литературы для детей и юношества была продолжена в Украине, во все том же издательстве «Веселка», книгой Суннатуллы Анарбаева «Приключения Турткуза» [8], в которую вошли три небольшие повести. В одноименной с названием книги повести излагается история жизни щенка, а потом собаки-волкодава Турткуза, его взаимоотношений с людьми. Писатель прибегает к уже ставшему традиционным в русской литературе, а затем и в литературах народов СССР приему остранения: как в «Холстомере» Л. Толстого мир воспринимается сквозь призму видения лошади, так в «Приключении Турткуза» – глазами и «сознанием» собаки. Особое внимание уделяется любви детей к животным, их умению сострадать животным и необходимости сохранять ее во взрослой жизни как одной из составляющих гуманистического мировоззрения.

В повести «Сулейман-охотник и его друзья» речь идет вроде бы об интересных охотничьих байках и историях отношений хозяина, человека с собаками – верными друзьями. Но за всем этим стоит опыт, мудрость, человеколюбие и самодостаточность убеленного сединами, но еще подвижного Сулеймана, сохраняющего ясность ума и на восьмом десятке жизни благодаря следованию заветам народной узбекской мудрости. История гармоничных, откровенных взаимоотношений пожилого, больного дедушки с маленьким внуком, передачи опыта и жизненной мудрости от старшего поколения к младшему, уважительной, любовной заботы младших о стариках излагается в повести «Собеседники». Традиционно для сборника повестей С. Анарбаева в «Собеседниках» утверждается мысль о том, что человек – органичная и неотъемлемая часть природы, поэтому должен бережно относиться к ней, беречь ее от необдуманных или вредных поступков.

На грани 70-80-х годов к украинскому читателю пришли два издания. В 1980 году был издан сборник поэзии Сайяра под названием «Дни мои» [53]. В сборник вошли как произведения чисто конъюнктурные, политически-идеологические (Ленин, «Аврора» и тому подобное в пяти произведениях из цикла «О любимом и великом», три стихотворения из цикла «Моя Россия»), так и высокохудожественные «Дни мои», Каска», «Девушки на хлопковых полях», «Дед разливает чай», «Песня чабана», «Догони, сказала...», «Твое письмо – всего лишь страница»), культурологические («Читаю Райниса», «Миндаль», «Жизнь одного поэта») и т.д. Переводчики пытались максимально точно воспроизвести формальные особенности стихов Сайяра, например, разносложные стихи, частую смену ритма в «Днях моих», разбивку стихов на строфы по схеме 3+3+1 в стихотворении «Тополь: рисунок», когда образ тополя-свечи воспроизводится и визуально, графически. Также обращает на себя внимание богатство версификации и в переведенных Ю. Сердюком фрагментах поэмы «Статуя без головы».

Для ретрансляции стихотворений Сайяра на украинский язык опять же были приглашены лучшие поэтические и переводческие силы. Больше всего – 21 стихотворение – с узбекского ретранслировал поэт, издательский номенклатурщик и профессиональный переводчик Валерий Гужва. Принимали участие в переводах также известные поэты Мыкола Винграновский (шесть стихотворений), Леонид Талалай (4), Павло Мовчан (4), Василь

Юрий Сердюк (помимо фрагментов поэмы, еще 5 стихотворений), Виктор Женченко (4) и др.

В том же 1986 году к украинскому читателю пришел роман Рахмата Файзи «Его величество человек» [63], в переводе Тамары Иваненко вроде бы «с узбекского», но на самом деле по русскоязычному изданию 1973 года. В основу романа легла реальная история усыновления семьей простого узбекского кузнеца Шамахмудова в годы войны пятнадцати эвакуированных детей разных национальностей. Сын кузнеца Махкам-аки и его жены Мехринисы, Батыр, воюет на фронте, а родители решают непростые вопросы обеспечения детей питанием и одеждой, а еще больше – их воспитанием.

Непросто разрешать детские конфликты, возникающие часто на ровном месте, когда трудно определить правого или виноватого. Непросто также приучить детей, особенно городских, к труду, непривычному для них. Для преодоления всех этих проблем Шамахмудовы выбирают, наверное, наиболее правильное, но и самое трудное решение: терпение, терпение и еще раз терпение. Народная мудрость и доброта, в конце концов, берут верх. История семьи кузнеца тесно переплетена в романе с изображением жизни эвакуированных в Узбекистане, того невиданного участия и помощи, которую им оказывали местные жители. В этом плане очень показателен эпизод угощения детей колхозницей, которая делится с ними последними продуктами. Были среди детей и двое украинских ребятишек – Остап и Леся, что не могло не вызывать интерес у украинского читателя.

На следующий, 1981-й, год увидела свет на украинском языке еще одна антология – «Солнечный край: рассказы молодых узбекских писателей» [56]. Изданию предшествовало краткое предисловие Адыла Якубова «Развитие узбекского рассказа» [65]. Основными проблемами узбекской малой прозы А. Якубов называет синовий долг перед родителями и родным краем; бездушность, несмотря на материальное благосостояние и карьерный рост; взаимоотношения человека и природы. Географическое расширение кругозора узбекских писателей предстает в рассказах об освоении БАМа, о жизни современных Египта и Сирии, которым СССР помогает «строить социализм». Новой темой в узбекской литературе становится фантастика.

Поскольку переводились произведения молодых авторов, то о каждом из них в антологии подается кратенькая «Справка об авторе». Всего представлено по одному рассказу 25 узбекских прозаиков. Переводили их такие видные писатели и переводчики, как Е. Гущало, П. Мовчан, В. Яворивский, В. Шкляр, Л. Лупий, Г. Халимоненко и др. Переводили по принципу один автор – один переводчик. Исключениями были А. Петькун, А. Дмитренко и Т. Шевченко, переведшие по два рассказа.

Книга поэзии одного из создателей и классиков узбекской советской литературы Хамида Алимджана под непритязательным названием «Стихотворения» [7] вышла в печать в 1982 году в серии «Сокровищница братских литератур». Составителем сборника стала жена покойного Алимджана Зульфия. Автором предисловия «Слово о Хамиде Алимджане» [58] был известный украинский поэт и переводчик Николай Тихонов. Он начинает с краткой информации о первых узбекских советских поэтах, к которым принадлежал и Алимджан, о синтезе в их творчестве классических традиций лирики с современными веяниями и

непосредственно, участвуя в строительстве Большого Ферганского канала.

Основными мотивами лирики Х. Алимджана в это время стали буйство света, весны, любви. Одной из ключевых тем стала дружба народов, их единение в строительстве социализма. На фольклорной основе были написаны довоенные поэмы «Ойгуль и Бахтияр» и «Семург». Закономерно, что в 1939 году Хамид Алимджан был избран секретарем Союза советских писателей Узбекской ССР. В литературно-критических публикациях поэт анализирует творчество узбекских классиков Навои, Муками, русских писателей, а также наследие Тараса Шевченко. В годы войны закономерно одним из главных мотивов лирики становятся призывы сплотиться в борьбе с немецкими захватчиками. Борьбе иранских и тюркских народов против арабского завоевания в VIII в. посвящена историческая драма «Муканна», отличающаяся высоким патриотическим звучанием. К сожалению, в автокатастрофе жизнь Хамида Алимджана трагически оборвалась в 1944 г. всего в 35-летнем возрасте.

Произведения Алимджана переводили на украинский язык одни из наиболее известных поэтов и переводчиков. Так, семь стихотворений перевел Микола Мирошниченко, хорошо владевший тюркскими языками, прежде всего – азербайджанским, но также и другими, в том числе узбекским. Авторами переводов в сборнике стихотворений Алимджана были также Леонид Талалай (12 стихотворений), Степан Литвин (6), Валерий Гужва (5), Тамара Коломиец (4), Михаил Москаленко и Петр Засенко (по 3), Виктор Кордун, Валентина Малышко, Станислав Тельнюк и другие.

Несомненно, у Алимджана были «идеологически» правильные тексты, и переводчики ретранслировали прежде всего их. Такие лирические произведения называли «паровозами», их ставили в начало сборников, чтобы они «протянули» в книгу настоящую лирику. Такими «паровозами» в сборнике Х. Алимджана «Стихотворения» стали произведения «Свет Кремля», «Россия», баллада «Самарканд 21 января 1924 года» и др. Но были и стихотворения, воспевающие красоту и величие родины, соседних народов и культур («Узбекистан», «Воспоминание о Чимгане», «Отчизна», «Восток», «Казахстан»), историческое наследие и важные преобразования в крае (баллада о Хамзе Хаким-заде Ниязи «Шохимардан»). Но в сборнике не могли обойти стороной тот факт, что Алимджан велик прежде всего как автор любовной лирики, как непревзойденный певец любви. Именно об этом переведенные на украинский язык стихотворения «Тужу за тобой», «Красавица! Очарованный стою...», «Когда цветет урюк...», «Заигрался юною травой...» и др.

В конце десятилетия, в 1989 году, был издан сборник еще одного поэта, классика советской узбекской литературы Хамзы Хаким-заде Ниязи, с тем же незатейливым названием «Стихотворения» («Поезії») [64]. Особенность этого сборника состояла в том, что у него был один-единственный переводчик – поэт Виль Грымыч, ставший апологетом творчества Хамзы. Весь сборник – результат труда и вдохновения В. Грымыча. Так, он составил обстоятельные «Примечания» [14] к книге с объяснением топонимов, имен, событий, а кроме того, еще и не менее обстоятельный «Словарь» [14] с пояснением узбекских экзотизмов, сохраненных в переводах. А еще Виль Грымыч стал автором обширного предисловия «Жизнь-вызов» [13] о творчестве узбекского лирика.

Шехимардане. А дальше традиционное хронологическое изложение биографии: образованный и очень порядочный отец, обучение в мектебе и медресе, расширение знаний в Коканде, Намангане, Бухаре, путешествие-скитания Востоком, женитьба с русской Аксиньей Уваровой, рождение сына Гияза... Как поклонник новометодной школы, Хамза активно занимается учительством и просветительной деятельностью. В. Грымыч отмечает значительное влияние на Хаким-заде Ниязи творчества старшего современника и земляка Фурката. Основными мотивами газелей, дидактических стихотворений, песен Хамзы дореволюционного периода были неразделенная любовь, остросоциальная лирика, граничащая с сатирой и избличающая зажиточных баев и духовенство, просветительские стихотворения, считающие основной причиной бедствий узбекских бедняков неграмотность, поэтическая дидактика для учебников и т.д.

После 1917 года поэт становится рьяным защитником и проповедником идеалов советской власти. Он становится организатором образовательной системы (создает детдом), а также основателем узбекского театра, для которого написал пьесу «Бай и батрак». Основой творчества становятся революционные по звучанию стихотворения, советы, рабочие, лубочные контрастные картины прошлого и настоящего, мира богатых и мира бедных, борьба за истинное равноправие женщин в узбекском обществе. И трагическая смерть из-за чрезмерно радикальных взглядов и их очень активного воплощения в жизнь.

Стихотворения в сборнике разделяются на две хронологически разделенные части – написанное до 1917 года и после 1917 года. Первая часть состоит из Дивана лирических стихотворений (11), Отдельных стихотворений (3), Книги для чтения («Читанка») (3) и Стихотворений на мелодии народных песен (14). Вторая часть открывается стихотворением с очень знаменательным названием «Слава советам!». Всего во вторую часть сборника включены 11 песен, одно рубаи и 18 стихотворений. Песни на народные мотивы, газели, рубаи – жанры, указывающие на продолжение многовековых традиций узбекской и восточной лирики. Но для поэзии Хамзы, особенно после 1917 года, характерны и новаторские поиски, опирающиеся прежде всего на европейскую и российскую лирику. Так, Виль Грымыч воспроизводит элементы драмы в лирических стихотворениях, диалог солиста и хора в тексте (как в ранней античной драматургии), прибегает к графическим экспериментам («Приветствую!» («Вітаю!»)), использует нетрадиционную рифмовку (перекрестные рифмы, свободная рифмовка), стихи, приближающиеся к верлибрам. При сегодняшнем переосмыслении наследия Хамзы сборник переводов авторства Вилия Грымыча с предисловием и примечаниями может стать хорошей отправной точкой для глубокого анализа и новой интерпретации творчества узбекского классика.

А в промежутке между сборниками поэзии Алимджана и Хамзы на украинском языке были напечатаны два романа и книга повестей узбекских писателей. Первый из романов – «Бессмертие» Хаида Гуляма [17], «авторизованный перевод» которого, как указано в книге, произвела с «узбекского» Мирослава Лещенко. На самом деле М. Лещенко в знании любого другого языка, кроме русского, «не замечена», поэтому переводила, очевидно, с русскоязычного издания 1981 года, которое также упоминается в исходных данных книги Х. Гуляма. «О книге и авторе» [12] короткую информацию на одну страницу, правда, мелким

Гулямова) типична для «всех республик Востока». Подстрочные ссылки в тексте романа знакомят читателя с экзотическими предметами и явлениями узбекской жизни.

Сюжет романа привлекает детективным сюжетом, ретардациями в самых напряженных частях повествования, любовными перипетиями, тесным переплетением нескольких сюжетных линий, множества событий. Молодой учитель Максуд (на самом деле – чекист) в 20-е годы, в разгар борьбы с басмачеством, приезжает в кишлак с заданием выявить агентов местной банды. С заданием он успешно справился, банда ликвидирована. Но есть и нечто новое в романе. «Самый последний раздел», бывший частью кольцевого сюжетного обрамления, опять возвращает к началу произведения, с которого идут воспоминания главного героя. После трагических утрат он спрашивает себя, все ли повторил бы сначала? И не находит ответа. Вероятно, потому, что слишком дороги ему погибшие люди, что слишком много объединяет его даже с басмачами, прежде всего это национальная, культурная общность (не зря в романе часто звучат газели Навои в исполнении разных персонажей).

А в 1988 году вышла книга прозы Тимура Пулатова [44], в которую вошли роман «Жизнеописание норовистого бухарца» и повесть «Второе путешествие Каипа». Анатолий Таран и Василий Довжик, ретранслировавшие соответственно роман и повесть, указали, что переводили с русского языка, и здесь не было ничего зазорного, поскольку Т. Пулатов – узбекский писатель, творивший на русском языке. Тематика его произведений на тот момент была очень актуальна для всей советской литературы, в частности и украинской. Сирота Душан, учащийся интерната, весьма начитан, высокоморален, но общество отвергает его, толкая в объятия криминалитета. Постоянное безденежье его и матери, семейные неурядицы, подлость родственников в разделе наследия выбрасывают парня за пределы «порядочного» общества, и что будет с ним дальше – вопрос открытый. Роман интересен для иноязычного читателя яркими картинками исторической и современной Бухары, разноязычной и разнокультурной, до сих пор экзотической даже для узбеков. Повесть строится как воспоминания старого Каипа, пребывающего на грани жизни и смерти и пытающегося попасть на остров, где осталась когда-то давно его любимая Айша. Одна, но непоправимая его ошибка разрушила всю последующую жизнь, и исправить ее уже нельзя даже перед лицом смерти.

В том же 1988 году вышла в свет книга повестей Ульмаса Умарбекова «Джура. Далекая пустыня» [62]. О чем эти произведения, обозначенные как приключенческие, о традиционности их тематики и проблематики хорошее представление дает аннотация к ним: «Эту книгу составляют две повести, написанные самобытным мастером современной узбекской прозы. В них рассказывается о сложном периоде становления Советской власти на узбекской земле, о тяжелой и жестокой борьбе с басмачеством, об интересных человеческих судьбах, которые оказались в центре тех событий. Оба произведения написаны в жанре приключенческой литературы, оба объединяют остроту и динамику событий с глубоким психологизмом» [62, с. 2]. К этому надо добавить, что обе повести написаны от первого лица, имеют определенный налет автобиографичности. Вставные истории в повестях, взаимодополняя друг друга, повествуют о скитаниях персонажей странами Востока, их нескольколетнем пребывании в Каире и Багдаде, о многолетней разлуке и драматической

повороты в ходе действия, экзотика чужеземных стран для узбеков и Узбекистана для украинцев – все это делало повести У. Умарбекова популярными, интересными для широкого круга читателей.

После распада СССР вместе с экономическими и политическими связями между бывшими советскими республиками неоправданно разрушены были и связи культурные. Когда-то тесное сотрудничество украинских поэтов, переводчиков с литераторами тюркских республик резко прервалось, еле-еле тлело в воспоминаниях и отдельных изданиях представителей старшего поколения, а новые связи так и не создавались, не появлялись новые переводческие силы. Все-таки отдельные достижения в этом процессе были. Так, усилиями уже упоминавшегося Мыколы Миросниченко вышла солидная двухтомная антология переводов на украинский язык азербайджанской поэзии от начала становления до современности. Антология кыргызской поэзии «Струны комуза» стала лебединой песней поэта-переводчика с языка оригинала Борислава Степанюка. Это были не единственные издания азербайджанской и кыргызской литературы в Украине. С каждым годом возрастает количество переводов произведений и исследований казахской литературы.

А вот с изданием произведений узбекской литературы как-то не очень сложилось. И дело не только в общем кризисе украинско-тюркских литературных связей после 1991 года. Кризис в украинско-узбекских переводах наметился еще в 80-е годы. Хотя все начиналось очень бурно и перспективно. Если из остальных тюркских литератур первые переводы появлялись преимущественно перед 1954 годом, годом «братского воссоединения Украины с Россией», то еще в конце 1940-х в Киеве появились уже две книги переводов с узбекского языка. Если в 1950-х годах на украинский язык переводили два-три, максимум – пять-шесть книг из литератур тюркских республик СССР, то узбекская литература тут была явным фаворитом – восемь отдельных изданий. Два последующих десятилетия были периодом увеличения переводных книг из узбекского: девять в 60-е годы и двенадцать – в 70-е. Правда, темпы роста не были так уж впечатляющими, поскольку количество изданий с азербайджанского, казахского, кыргызского (прежде всего, за счет произведений Ч. Айтматова) языков сравнились и даже превзошли количество книг – переводов с узбекского языка. А в 1980-е годы можно отметить определенный провал в деле перевода произведений узбекской литературы на украинский язык. Количество соответствующих изданий существенно упало – всего девять отдельных книг.

Поэтому с такого «низкого старта» тяжело было рассчитывать на какой-то прорыв в изданиях переводных книг с узбекского на украинский в период после распада Советского Союза. Их и было за почти три десятилетия – неполных два, причем оба издания вышли в свет аж в третьем из этих десятилетий, в 2010-е годы. Почему неполных? Потому что первая из книг была напечатана за пределами Украины, как ни парадоксально – в России, а вторая – это очередное переиздание, роскошное, подарочное, поэмы Алишера Навои «Фархад и Ширин» в хрестоматийном переводе Мыколы Бажана.

В 2013 году в Хабаровске, в региональном отделении Союза писателей России, была издана книга стихотворений Азамжона Мусаева «Мир полон тайн» («Світ повен тасмниць») [29], тиражом всего в мизерные сто экземпляров. Автором всех переводов на украинский язык в

Приамурья, колонизированной украинцами с конца XIX века, поэт, исследователь культур коренных народов Дальнего Востока, переводчик и популяризатор литератур этих народов. А также он четко сохранял свою украинскую этническую идентичность, творил на украинском как поэт и переводил преимущественно на украинский, был организатором активной и плодотворной культурной жизни украинского национального объединения Дальнего Востока.

А. Лозиков был лично знаком с А. Мусаевым, что дает основания называть переводы авторизованными. Всего в сборник попало 51 стихотворение узбекского поэта. Так, пламенного патриота Украины Лозикова привлекали произведения Мусаева, в которых воспевается родной край: любовь к родной земле объединяет автора и переводчика, поэтому Александр Лозиков уделял большое внимание именно стихотворениям такого звучания. Наряду с произведениями, в которых воссоздается неповторимость узбекской культуры («Андижанский плов»), внимание переводчика закономерно привлекают также стихотворения о единении культур и народов, их безальтернативности, о необходимости веры в жизни человека, в частности ислама для узбека. Воспроизводит переводчик и личные воспоминания узбекского поэта о жестокой и бессмысленной афганской войне («Женился я на пуле» («Одружився я з кулею»)). Общими для узбекских, российских и украинских реалий были те социальные недостатки, язвы, которые гневно бичует Азамжон Мусаев и не менее гневно ретранслирует Александр Лозиков. И объединяет поэта и переводчика вечный мотив лирики – любовь, освящающая все и преодолевающая все преграды.

Прискорбно, но после распада СССР литературные и культурные связи между Украиной и Узбекистаном фактически прервались полностью. Это отразилось и на том, что четверть века не вышло ни одного отдельного издания узбекских произведений на украинском языке. И только в 2016 году в издательстве «АДЕФ-Украина» было напечатано подарочное издание поэмы Навои «Фархад и Ширин» [35] на узбекском языке и на украинском языке в переводе М. Бажана. Также в тексте книги были факсимильные вкрапления страниц старинной рукописи поэмы Навои на чагатайском (джагатайском), или староузбекском, языке. К этому можно добавить разве что издание узбекских народных сказок в 2020 году (в моем переводе с русского языка), но пока дальше сигнальных экземпляров дело не пошло. Сейчас решается вопрос о переводе на украинский язык «Скорпиона из алтаря» Абдуллы Кадыри.

Начиная с 1947 года количество переводов с узбекского языка на украинский с каждым десятилетием только возросло до конца 1980-х годов. Классическая литература репрезентирована переводами поэмы Навои «Фархад и Ширин» и разножанровой лирики Муками. Очень много переведено произведений «идеологически» выдержанных классиков советской узбекской литературы – Ш. Рашидова, Х. Хаким-заде Ниязи, Х. Алимджана. Это не обязательно были только пафосно-публицистические произведения – среди них попадались и высокохудожественные творения. Также стоит отметить значительное число переводов и изданий текстов Айбека, А. Мухтара, А. Каххара, Т. Пулатова, других прозаиков, стихотворений Зульфийи. Особо стоит отметить также подготовку и издание антологий узбекской лирики и «малой прозы», многих произведений детской литературы в 1970-80-е годы.

прекратилось, что особенно примечательно на фоне большого количества изданий казахской, азербайджанской литературы, несколько меньшего, но все же немалого количества книг кыргызской, туркменской литературы. Все это делает насущными задания возрождения переводческого дела в украинско-узбекских отношениях. Это касается и переводов богатейшей классической узбекской литературы, и «диссидентской» литературы советской эпохи, и достижений современной узбекской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева-Амитова М. Аскад Мухтар і його роман «Сестри» // Мухтар А. Сестри : роман. К. : Дніпро, 1969. С. 5–10.
2. Айбек // Айбек. Вітер Золотої долини : роман. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1956. С. 379.
3. Айбек // Айбек. Навої : роман. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1950. С. 307.
4. Айбек. Вітер Золотої долини : роман / З узбецької; Переклад В. Гнатовського / Айбек. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1956. 379 с.
5. Айбек. Навої : роман / Переклад Гаїни Коваленко / Айбек. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1950. 307 с.
6. Айбек. Священна кров : роман / З узбецької; Переклад Володимир Гнатовський / Айбек. К. : Дніпро, 1967. 327 с. (Серія «Джерела дружби»)
7. Алімджан Х. Поезії / З узбецької; Упорядкувала Зульфія / Хамід Алімджан. К. : Дніпро, 1982. 103 с. (Скарбниця братніх літератур)
8. Анарбаєв С. Пригоди Турткуза : повісті / Переклад з узбецької Віктора Женченка / Суннатулла Анарбаєв. – К. : Веселка, 1984. – 143 с.
9. Аскад Мухтар : біографічна довідка // Мухтар А. Народження : роман. К. : Дніпро, 1965. С. 250–251.
10. Ахмад С. Вирок : повість / Переклад з узбецької; Переклад В. Муха / Саїд Ахмад. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1963. 188 с.
11. Бажан М. Велетень Узбекистану // Навої А. Фархар і Ширін. К. : Дніпро, 1968. С. 5–9.
12. Грибачов М. Про книгу й автора / Микола Грибачов // Гулям Х. Безсмертя : роман. К. : Дніпро, 1985. С. 5.
13. Гримич В. Життя-виклик / Віль Гримич // Хакім-заде Ніязі Х. Поезії. К. : Дніпро, 1989. С. 5–18.
14. Гримич В. Примітки // Хакім-заде Ніязі Х. Поезії. К. : Дніпро, 1989. С. 133–140.
15. Гримич В. Словник // Хакім-заде Ніязі Х. Поезії. К. : Дніпро, 1989. С. 141–147.
16. Гулям Г. Мукімі / Гафур Гулям // Мукімі. Сатира та лірика. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1954. С. 3–6.
17. Гулям Х. Безсмертя : роман / Переклад з узбецької; Авторизований переклад Мирослави Лещенко / Хамід Гулям. К. : Дніпро, 1985. 332 с. (Єднання)
18. Зі Сходу на Захід : узбецька поезія Вітчизняної війни 1941–1945 / Переклади з узбецької Миколи Терещенка. К. : Радянський письменник, 1947. 104 с.

(Скарбниця братніх літератур)

20. Каххар А. Вибране / Авторизований переклад з узбецької; Переклав В. Гнатівський / Абдулла Каххар. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1959. 399 с.
21. Каххар А. Казки про минуле : повість. Вогні Кошчинара : роман / З узбецької; Переклав В. Гнатівський / Абдулла Каххар. К. : Дніпро, 1974. 375 с. (Скарбниця братніх літератур)
22. Каххар А. Птичка-невеличка : повість / З узбецької; Переклав В. Гнатівський / Абдулла Каххар. К. : Видавництво ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1960. 184 с.
23. Каххар А. Шовкове сюзане (На новій землі) : комедія на три дії з епілогом / Переклад з російської А. Головка / Абдулла Каххар. К. : Мистецтво, 1952. 101 с.
24. Кашук Н. «... У мандрівці нескінченній» / Наталя Кашук // Зульфія. Вибране : вірші та поеми. К. : Дніпро, 1974.
25. Каюмов Л. Життєвий і творчий шлях Абдулли Каххара / Лазіз Каюмов // Каххар А. Казки про минуле : повість. Вогні Кошчинара : роман. К. : Дніпро, 1974. С. 5–11.
26. Каюмов Л. Осяяний зорею шлях / Лазіз Каюмов // Рашидов Ш. Могутня хвиля : роман. К. : Дніпро, 1972. С. 5–11.
27. Короткий пояснювальний словник // Айбек. Священна кров : роман. К. : Дніпро, 1967. С. 324–327.
28. Мукімі. Сатира та лірика / Переклад з узбецької Миколи Терещенка // Мукімі. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1954. 157 с.
29. Мусаєв А. Світ повен тасмниць : вірші / Переклав з узбецької Олександр Лозиков / Азамжон Мусаєв. Хабаровськ : Хабаровське регіональне відділення Спілки письменників Росії, 2013. 64 с.
30. Мухтар А. Народження : роман / Переклад з узбецької; Переклав В. Муха / Аскад Мухтар. К. : Дніпро, 1965. 251 с.
31. Мухтар А. Сестри : роман / Авторизований переклад з узбецької Володимира Гнатівського / А. Мухтар. К. : Дніпро, 1969. 323 с. (Серія «Джерела дружби»)
32. Мухтар А. Тісна пустеля : повість / З узбецької; Переклав Григорій Халимоненко / Аскад Мухтар. К. : Дніпро, 1984. 197 с.
33. Навої А. Фархад і Ширін / Переклад Миколи Бажана / Алішер Навої. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1947. 423 с.
34. Навої А. Фархар і Ширін / Переклад Миколи Бажана / Алішер Навої. К. : Дніпро, 1968. 511 с.
35. Навої А. Фархад і Ширін / Алішер Навої. – К. : ВД «АДЕФ-Україна», 2016. – 348 с.
36. Назір Х. Повісті / Переклад з узбецької Віктора Женченка / Хакім Назір. К. : Веселка, 1975. 215 с.
37. Нарзуллаєв Н. Маршрутами дружби / Нормурад Нарзуллаєв // Цвіт мигдалю: Молода поезія Узбекистану. К. : Молодь, 1975. С. 7–10.
38. Парда Турсун : біографічна довідка // Турсун П. Учитель : роман. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1952. С. 359.

- літератури, 1954. С. 149–150.
40. Примітки // Навої А. Фархад і Ширін. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1947. С. 415–420.
41. Примітки // Навої А. Фархад і Ширін. К. : Дніпро, 1968. С. 503–508.
42. Про автора // Каххар А. Птичка-невеличка : повість. К. : Видавництво ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1960. С. 183.
43. Про автора // Рашидов Ш. Могутня хвиля : роман. К. : Дніпро, 1965. С. 391.
44. Пулатов Т. Життєпис норавливого бухарця : роман; Друга подорож Каїпа : повість / Переклали з російської Анатолій Таран та Василь Довжик / Тимур Пулатов. К. : Дніпро, 1988. 623 с.
45. Рахім І. Вогнероб : оповідання / З узбецької; Переклад Ю.В. Петрова / Ібрагім Рахім. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1961. 55 с.
46. Рахім І. Доля : роман / Авторизований переклад з узбецької В. Гнатівського / Ібрагім Рахім. К. : Молодь, 1971. 232 с.
47. Рашидов Ш. Кашмірська пісня : легенда / Переклад з російської В. Гнатівського / Шараф Рашидов. К. : Видавництво ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1959. 38 с.
48. Рашидов Ш. Могутня хвиля : роман / Авторизований переклад з узбецької; Переклав В. Гнатівський / Ш. Рашидов. К. : Дніпро, 1972. 303 с.
49. Рашидов Ш. Могутня хвиля : роман / З узбецької; Переклав В. Гнатівський / Шараф Рашидов. К. : Дніпро, 1965. 391 с.
50. Рашидов Ш. Переможці : роман / З узбецької; Авторизований переклад Володимира Гнатівського / Шараф Рашидов. К. : Дніпро, 1977. 333 с.
51. Рашидов Ш. Сильніші за бурю : роман / З узбецької; Переклав В. Скоробогатов / Шараф Рашидов. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1961. 257 с.
52. Саїд Ахмад : біографічна довідка // Ахмад С. Вирок : повість. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1963.
53. Сайяр. Дні мої : поезії / Переклад з узбецької / Сайяр. К. : Молодь, 1980. 88 с.
54. Скосирєв П. Алішер Навої: поет-гуманіст XV століття / Петро Скосирєв // Навої А. Фархад і Ширін. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1947. С. 5–23.
55. Словник // Мукімі. Сатира та лірика. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1954. С. 151–154.
56. Сонячний край : оповідання молодих узбецьких письменників / Переклад з узбецької. К. : Молодь, 1981. 208 с.
57. Терещенко М. Узбецька поезія вітчизняної війни / Микола Терещенко // Зі Сходу на Захід : узбецька поезія Вітчизняної війни 1941–1945. К. : Радянський письменник, 1947. С. 3–10.
58. Тихонов М. Слово про Хаміда Алімджана / Микола Тихонов // Алімджан Х. Поезії. К. : Дніпро, 1982. С. 5–12.
59. Турсун П. Учитель : роман / Переклад І. Щербини / Парда Турсун. К. : Державне видавництво художньої літератури, 1952. 360 с.

- Григора Тютюнника / Худайберди Тухтабаєв. К. : Веселка, 1978. 224 с.
61. Тухтабаєв Х. Пригоди двієчника : повість-казка / З узбецької; Переклад Григора Тютюнника / Худайберди Тухтабаєв. К. : Веселка, 1977. 158 с.
62. Умарбеков У. Джура. Далека пустеля : повісті / Переклад з узбецької Віля Гримича / Ульмас Умарбеков. К. : Молодь, 1988. 136 с.
63. Файзі Р. Її величність людина : роман / З узбецької; Переклала Тамара Іваненко / Рахмат Файзі. К. : Дніпро, 1980. 383 с.
64. Хакім-заде Ніязі Х. Поезії / З узбецької; Переклади Віля Гримича / Хамза Хакім-заде Ніязі. К. : Дніпро, 1989. 150 с.
65. Цвіт мигдалю: Молода поезія Узбекистану. К. : Молодь, 1975. 184 с. (Молода поезія країни)
66. Якубов А. Розвиток узбецького оповідання / Адил Якубов // Сонячний край : оповідання молодих узбецьких письменників / Переклад з узбецької. К. : Молодь, 1981. С. 5–6.
67. Яшен К. Айбек // Айбек. Священна кров : роман. К. : Дніпро, 1967. С. 5–13.

